

НАША СТРАНА

SEMANARIO

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director:

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 377233

TARIFA REDUCIDA
Concesión Nº 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 3 de mayo de 1952

• Буэнос Айрес, суббота 3-го мая 1952 года

No. 120

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

По поводу „Народной Монархии“

С дальнейшим текстом „Народной Монархии“ произошла некоторая неприятность: последний ее вариант частично утерян — начиная страницы за две до главы „Конец Киева“. Для того, чтобы оправдаться перед читателями за все эти неприятности, неровности и повторения в этой работе, я хотел бы очень схематически изложить историю ее возникновения.

Работа была начата в Берлине в 1940 году, когда первый опыт живого соприкосновения с просвещенной Европой вызвал целый ряд соображений, которые и легли в основу „Народной Монархии“. В Берлине у меня еще была библиотека, — томов тысячи три. Длительность моего пребывания в Берлине мне уже и тогда казалась очень ограниченной. Потому, планируя свою работу, я сделал несколько сот выписок. Работа была начата уже в ссылке, в Померании, — библиотека осталась в Берлине и погибла. В процессе работы выяснилось, что, как это и всегда бывает в таких случаях, выписок оказалось недостаточно и пополнить их было нечем. Таким образом, в работе оказался целый ряд зияющих пробелов. Некоторые иллюстрации.

Мне нужны были славянофилы. Когда то я их читал, — еще до Первой Мировой. Само собою разумеется, что по тем временам целый ряд мыслей вовсе не приходил в голову. В Берлине я попытался их или купить или достать. Купить оказалось невозможно. В Берлинской Государственной Библиотеке, где я был, так сказать, почетным абонентом, администрация и крутила и виляла, а книг этих я так и не получил — „зачем вам такие книги?“ Было сказано, что они упакованы и сложены в погреба. С тех и до этих пор славянофилов у меня так и нет.

Я хорошо знаю Карла Маркса — не только „Капитал“, но и все его писания. В его переписке с Ф. Энгельсом есть истинно убийственный отзыв о русских марксистах. В советских изданиях мужа сего этот отзыв по понятным соображениям изъят. В Германии Гитлера Карл Маркс был изъят вообще. Уже в британской зоне Германии мне удалось получить английское издание К. Маркса и сделать из него нужные мне выписки. Со времен этой „зоны“ в двух моих чемоданах с выписками рылось шесть таможенных предприятий. Что они искали в этих выписках, мне неизвестно и до сих пор. Со времени моего приезда в Южную Америку я, волею судеб („Сулба — это политика“) меняю местопребывание свое уже в восьмой раз. Полное собрание моих выписок представляет собою перепу-

танную кучу обрывков бумаги, — иногда спрессованных под очень большим давлением. Для того, чтобы привести эту кучу хоть в кое какой порядок, нужно не меньше свободного месяца. И нужна рабочая комната. У меня нет ни того, ни другого.

„Народная Монархия“ (в первоначальном варианте „Белая Империя“) переделывалась и переписывалась заново четыре раза. Первые два варианта были уничтожены по их ненадобности. Последний был дан в переписку в Гамбурге. Около 200 страниц этого последнего варианта утеряны, но остался предыдущий вариант... Для „научной работы“ моя обстановка не годится никуда.

Первый выпуск „Народной Монархии“, был, впрочем, написан совершенно заново — уже здесь в Уругвае. Но он является только „схемой“. По поводу этого выпуска я получил целый ряд истинно восторженных отзывов — и „катехизис“ и „университет“ — и прочее в этом роде. Отзывов этих я не помещаю не от избытка скромности, а от недостатка места. Мое же личное мнение о „Народной Монархии“ сводится к следующему:

Это есть совершенно необходимая работа, сделанная неудовлетворительно. Я действую, как американский „пионер“: с применением большой силы и большого топора, прорубаю девственные джунгли исторической лжи и пытаюсь установить некоторые, немногие, по мере возможности, наиболее бесспорные и наименее спорные основные вехи нашего исторического развития. Кто-то потом, вероятно, расширит эти просеки и на месте джунглей будут у нас и поля и сады.

В данный момент и в данной социально исторической обстановке, основные мысли „Народной Монархии“ в эмиграции не устроят никого. Или почти никого. И вот почему.

Люди духовного сословия склонны сводить все существующее к явлениям религиозного порядка, и, в нашем случае, к православию. Они забывают то обстоятельство, что национальные судьбы одинаково православных стран: Византии, Румынии, Греции, Болгарии, Сербии — сложились совершенно иначе, чем русские судьбы, и психология, скажем, румынская, никак не сходна с русской психологией. Можно сказать, что русский народ принял православие, как нечто уже свое. И можно сказать, что он его психологически видоизменил, — путем приближения к первоисточнику. Но это, по существу, мало меняет дело; основные черты русского государст-

венного строительства достаточно ясно определились до принятия христианства и с тех пор, если и изменились, то только очень мало.

Люди военного сословия налегают на „славу русского оружия“, начисто забывая при этом, что если не „слава“, то во всяком случае успех этого оружия зависит от целого ряда факторов, среди которых пресловутая „доблесть“ играет, во всяком случае, далеко не главную роль. Если бы главную роль играла она, то целый ряд очень воинственных племен, — хотя бы вроде наших горцев, что то создали бы. Они не создали ничего.

Люди юридического сословия скандируют понятие Права, с большой буквы, забывая при этом, что „право“ очень часто является только юридически зафиксированным результатом разбоя, насилия или воровства: крепостное право, советское право авторское право, которое, как оказывается даже в САСШ имеет очень относительный характер, а в других странах не имеет и вовсе никакого характера — можно красть любые вещи любых иностранных авторов.

Люди правового сословия декламируют прилагательное „национальный“, во всех мыслимых и даже немыслимых падежах, — забывая при этом, что „нация“ включает в себя и религию, и политику, и армию, и экономику, и право, и семью, и нравы и, наконец, инстинкт, из которого вырастает все остальное. Так, „национальные круги“ шарахаются от какого бы то ни было напоминания о социальных вопросах и прошлого и будущего России. Здесь „национальное“ прилагательное целиком сливается с привилегированным существительным.

Люди самого левого сословия, вот, вроде, Р. Абрамовича или Б. Николаевского, могут и вовсе не приниматься в расчет: это — политическая сила за-границей, и это — совершенно пустое место в России. О них и говорить не стоит.

Люди республиканско-буржуазного сословия почтительно оглядываются на пример просвещенного Запада — в частности, и в особенности, на Францию: подлюжины революций, треть дюжины республик, двадцать правительственных кризисов в месяц и двадцать правительств в год, падающая валюта, золото в чулках, падающая рождаемость и страх на душе: вот опять придут немцы. Пример, поистине, достойный подражания.

На этом более или менее испытанном фоне появляются новые изобретения, вот, вроде, солидаризма, „мы наш, мы новый мир построим“. Или совсем новые изобретения, имеющие совсем старое название: военная диктатура. О военной диктатуре могут быть разные мне-

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ПО ПОВОДУ „НАРОДНОЙ
МОНАРХИИ“Борис Ширяев
ПЯТЬ ВОПРОСОВ Е. ЛАЙОНСУВладимир Рудинский
ЗАДАЧИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИИван Солоневич
ЖИВОЙ ТОВАРБорис Ширяев
ИГРОК „НА Понижение“Борис Башилов
СПОР, РЕШЕННЫЙ ЖИЗНЬЮ
(Гоголь и Белинский)
(Окончание).А. Орлов
ЧИТАЯ „НАРОДНУЮ ПРАВДУ“Juan Solonewitch
TERCERA GUERRA MUNDIAL
DURARA TRES MESES

ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА
(Продолжение)

ния, в зависимости от разных обстоятельств и разных кандидатов. Конечно, прежде всего нужно бы назвать кандидата. До войны я их насчитал тринадцать, по какому поводу и написал грустно-юмористический фельетон. Однако в наших данных условиях военная диктатура из за рубежа исключается начисто: русского Франко американцы не допустят никак.

Русский театр является, конечно, лучшим в мире Жаль только, что часто театральные приемы применяются и в политике. Одна национальная декларация говорит, что „мы идем в Россию, чтобы утереть слезы невинных матерей. Другая декларация обещает утирать слезы даже и невинных матерей, — незамужних. Обещают (солидаристы) и обеспечение инвалидов, и стройку школ, и заботы о беременных, и сорок пар ботинок, и даже, частно-собственнических канареек: не политика, а универсальный магазин сильно подержанного хлама. Русские Матери России — невинные и даже не совсем невинные — вероятно, получают истинное удовлетворение от обилия носовых платков для утирания слез, и от диктаторов для слезоточения.

(Продолжение на 2-ой стр.)

Борис Башилов

Спор, решенный жизнью

(ГОГОЛЬ И БЕЛИНСКИЙ)

3

Помимо нелепых обвинений, которые Белинский выставил против Гоголя, он еще считал возможным воспользоваться глупой клеветой, вышедшей из “прогрессивных кругов”, что Гоголь написал свою книгу из желания подхалимствовать перед Царской властью.

Отказывая Гоголю в уме, Белинский не постеснялся написать, что “некоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плод умственного расстройтва, близкого к положительному сумасшествию (хорош стиль, неправда ли? Б. Б.), но они скоро отступились от такого заключения — ясно, книга писана не день, не неделю, не месяц, а может быть год, два или три; в ней есть связь, сквозь небрежное изложение проглядывает обдуманность, и гимн властям предержавшим хорошо устраивает земное положение набожного автора. Вот почему в Петербурге разошелся слух, будто вы написали эту книгу с целью попасть в наставники к сыну Наследника”.

Прием клеветы, — это типичный прием революционных кругов. Не брезгует им и Белинский. Революционная пропаганда в России всегда была связана не только с определенным кругом идей, но и с определенным кругом методов пропаганды этих идей.

Было время, как я это старался показать, когда Белинский в “Литературных мечтаниях” и других статьях писал то же самое, что писал всегда Гоголь, но ведь никогда Гоголю не пришло в голову обвинять Белинского в стремлении подхалимничать перед Царской властью и попасть в наставники к сыну Наследника. Письмо Белинского это характерный документ в истории русских революционных кругов. Если русская литература вся выходит из “Шинели” Гоголя, то все полемические приемы русских революционных кругов выйдут из истерического неприличного письма Белинского к Гоголю. В письме Белинского, как в зародыше находится все, чем характерна “полемическая деятельность” господ революционеров. Тут есть все; грубая ругань по адресу национально мыслящих людей, презрение к национальной религии и национальной власти, сознательная дискредитация народной религии и национального правительства, выискивание в русской действительности, как в прошлом, так и в настоящем только черных пятен, обвинение своих политических противников в умственном невежестве, подхалимстве перед властями, слепой фанатизм, использование заведомо лживых слухов и выдумок. Все, все, все, чем чревата пропагандная деятельность наших милых революционеров всех мастей.

Своим письмом Белинский дал классический пример всем российским любителям Маратов и Робеспьеров, как надо бороться со сторонниками русского национального государства, со всеми, кто стоит не за революционный, а за эволюционный путь развития России.

В воспитатели к сыну Наследника, Гоголь, конечно, не старался по-

насть, и не попал. Это все вымысел прогрессивных друзей Белинского. Столь же достоверны, как эта клевета и обвинения Гоголя в том, что он является апостолом невежества, защитником кнута и прочее, и прочее, и прочее.

Конечно, Гоголь думал не так, как думал социалист Белинский.

Гоголь был гениальным писателем. Гоголь видел, конечно, глубже и дальше, чем талантливый, но экзальтированный, фанатичный Белинский.

Белинский писал Гоголю: “Что вы делаете! Взгляните себе под ноги — ведь вы стоите над бездною...”

История нам показала, что если кто и стоял над бездною, то это был не Гоголь, не Пушкин и не Достоевский, не Лесков, не все деятели русской культуры первого ранга, а именно Белинский и все прогрессивные почитатели Маратов и Робеспьеров. Как не смотреть на Белинского, но все же невозможно поставить его в один ряд по уму и таланту с Пушкиным, с Гоголем, с Достоевским, с Лесковым. А ведь все они думали в основном точно так же, как Гоголь, а не так, как Белинский.

Гоголь и Белинский, это два символических образа русского общества XIX столетия. Это выразители двух непримиримых тенденции, начала религиозного и начала социалистического. Эти тенденции до сих пор борются внутри русского общества и здесь, за границей, и там, за Железным Занавесом, в России.

Белинский упрекал Гоголя, что он пел “гимн гнусному русскому духовен-

ству”. Православная церковь, в представлении Белинского, “веровавшего в социализм — есть поборница неравенства, гонительница братства между людьми. А смысл самого христианства по мнению Белинского “открыт философским движением прошлого века”, то есть в социализме. Теперь мы знаем какой христианский смысл заключался в философском движении XVIII века, в веке французской революции, кровавого разгула Дантона и Робеспьера. Конечно, сколько бы Белинский ни обвинял Гоголя в том, что он сходит с ума, тот все таки не мог поверить в правильность социалистической ерунды, в которую веровал фанатичный Белинский.

В одном месте своего письма В. Белинский пишет Гоголю: “Какая это великая истина, что когда весь человек отдается лжи, его оставляет ум и талант”.

Что правильно, то правильно! Это именно и случилось с Белинским с того момента, когда он увлекся живыми идеями французского социализма. И поэтому так грустно читать его письмо теперь, когда уже всякий, кто не исповедует веры в истинность социалистических идей, видит на каких ложных основаниях построено письмо Белинского.

Да, будучи гениальным человеком, Гоголь, конечно, не был свободен от недостатков и на явления тогдашней действительности смотрел глазами своего века. Белинский, напр., возмущался, что Гоголь написал одному из помещиков, что в случае провинности крестьянина он бы ругал его “Ах ты, неумытое рыло”. Да, конечно, было бы лучше, если бы Гоголь не давал таких советов. Но какой человек не имеет недостатков. Но спрашивается, что

лучше: дать такой совет или на нескольких страницах оплевать и национальную религию, все духовенство, национальную власть и заявлять, как это делал социалист Белинский, что во имя победы социальности (социализма), он согласен, чтобы отрубали головы тысяче умытых рыл.

Кто, в действительности, стоял над бездною? Русское правительство, подготавливавшее освобождение крестьян от крепостного права, или Белинский и его единомышленники, начавшие расчищать дорогу для “социалистической” революции, которая неизбежно должна была закончиться тем, чем она и закончилась, то есть болезненным.

Если Белинский писал Гоголю, что нельзя молчать, когда под покровом религии и защитой кнута, проповедают ложь и безнравственность, то мы можем сказать, что невозможно молчать, когда почитатели Белинского до сих пор под маркой прогресса проповедают социалистическую ложь и прогрессивную безнравственность, как истинную добродетель.

В конце своего истерического письма Белинский писал Гоголю:

“Пусть вы или само время докажут мне, что я заблуждался в моих о Вас суждениях”.

И теперь, когда жизнь уже решила, кто ходил над бездною, защитники ли постепенного реально возможного улучшения жизни России, как Гоголь, или сторонники насаждения социальных раев с помощью гильотин и наганов, как Белинский, мы можем сказать, что само время доказало насколько заблуждался Виссарион Белинский в своих заключениях о смысле последней книги Гоголя.

Борис Башилов.

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

Генерал Буланин уселся на землю рядом с костром и против связанного отца Петра.

—Ну-с, а теперь, ваше преподобие, давайте говорить серьезно: кто вы такой? Предупреждаю: времени у меня мало.

—Кажется, больше, чем у меня, — довольно равнодушно ответил отец Петр. — По той простой причине, что вы раньше предполагаете пристрелить меня и только потом двигаться дальше, — так что у меня времени все таки меньше, чем у вас. Правда, в данном положении время для меня особой ценности не представляет... А, впрочем, вас все таки повесят раньше, чем я отправлюсь на тот свет...

Лицо генерала Буланина передернулось нервной гримасой.

—Ты мне тут, сукин сын, брось зубоскалить — кто ты такой?

—Я вам сказал: оккультист. И не из последних. Будьте уверены: вас повесят раньше, чем я закончу свой жизненный путь.

Голос у отца Петра был совершенно спокоен и уверен.

—Ах, оккультист, — почти истерически крикнул генерал Буланин, — а валюта у тебя откуда? А? Откуда, спрашиваю, у тебя деньги?

—А до этого вам никакого дела нет, — так же спокойно ответил отец Петр.

—Ах, нет, ну я сейчас покажу тебе, какое мне есть дело. — Генерал Буланин нервными движениями руки нащупал в кармане свое пенсне, тем же нервным движением напялил его на нос и уставился в отца Петра так, как если бы на его лице он и в самом деле мог бы найти нужный ответ. Старческая дальновзоркость не мешала ему в тайге вообще, но сейчас этого пустосвята нужно было разглядеть подробнее.

Но никаких нужных ему подробностей генерал Буланин разглядеть не смог. Лицо, конечно, было очень “интеллигентным”, как квалифицировал его генерал Буланин. Слегка портили впечатление рябины на этом лице и чуть-чуть выпуклые глаза. Эти глаза как то притягивали и обессиливали. Это ощущение стало настолько сильным, что генерал Буланин пожалел о пенсне. Отец Петр напряг всю свою гипнотическую практику, но он знал: в этой практике есть барьер, которого еще никому из магов, гипнотизеров, оккультистов и прочих, не преодолеть до сих пор не удалось. Или даже не один, а несколько барьеров: мораль, воспитание, и, в особенности, чувство самосохранения. В данном случае, в генерале Буланине говорило главным образом чувство самосохранения: если он обмякнет и опоздает — он погиб. И как ни обволаки-

вал его волю пристальный и спокойный взгляд отца Петра, — этот взгляд имел только одно реальное последствие: взрыв ярости.

Генерал Буланин сунул обратно в карман пенсне.

—Ну, а теперь всерьез!

Он вынул из костра горевшую ветку, обломал о землю ее уже сторевший конец так, что на конце остался только раскаленный уголь. С этой веткой в руках генерал Буланин вплотную придвинулся к отцу Петру.

—Так вот: —откуда деньги? Или я начну жечь тебе морду.

—Вопрос совершенно бессмысленный, — все так же спокойно ответил отец Петр. — Я могу придумать все, что угодно, и у вас нет никакой возможности проверить это вранье. Или — проверить, что это — вранье.

—Я тебя заставлю говорить правду!

—А как вы проверите, что это правда? Вот я вам скажу: верстах в трех от моей пещеры — золотая жила. Я годами добывал золото и годами менял его на валюту. Вот в том, что вы у меня украли, эквивалент почти тонны чистого золота.

—А где эта жила?

—Верстах в трех от моей пещеры.

—А пещера — где?

—Довольно далеко, — неопределенно ответил отец Петр. Каждая минута этого страшного и все таки этого нелепого разговора подымала какие то шансы на жизнь. — Вот по этой же тропе назад. Тоже в пещере. Все равно не найдете.

В глазах генерала Буланина мелькнуло нечто вроде золотой лихорадки.

А. Орлов

Читая „Народную Правду“...

**БОЛЬШЕВИЗМА НЕ БУДЕТ,
А ВКП(б) БУДЕТ**

На Берлинском конгрессе защиты Культуры, меньшевик Шварц, как известно, обрадовал всех россиян, что "после свержения советской власти, Россия будет называться не СССР, а ССР" (Союз Социалистических Республик). Из нынешнего большевистского псевдонима будет устранена только одна буква. Порядки в ССР, само собой разумеется останутся социалистические, почти такие же, как и в СССР, только под несколько другим соусом.

Как благоволят наименовать Россию солидаристы, с каждым днем заворачивающие все более и более влево, еще не совсем ясно. Но сокращение одной буквы в большевистском наименовании России их также вполне устраивает. Если НТС некоторые расшифровывают, как Несем Тиранам Смену, то ССР можно расшифровывать не только как Союз Социалистических Республик, но и как Союз Солидаристических Республик.

Вообще положение России и русских националистов не из завидных. Если даже России и удастся выкрутиться из объятий большевистского спирита, все равно ее дело дрянно. Почему? Да потому, что Россия, как утверждает Б. Двинов в статье "Социализм будущей России" (Социалистический Вестник), все равно приговорена к социализму. А что значит приговорить целый народ к социализму, к

той высшей мере социального наказания. Это значит приговорить его к медленной мучительной смерти. И какое тут будет иметь значение, как будет называться страна, в которой живет народ, приговоренный к социализму — СССР или ССР, Союзом Советских Социалистических Республик или Союзом Солидаристических Республик.

Грустно было нам, беспартийным дуракам, сбежавшим из СССР, узнать за границей, что Россия все равно приговорена к социализму. К социализму не сталинского типа, так абрамовического, не абрамовического, так байдалаковского. Но и услышав эту невеселую новость из уст С. Шварца, мы по глупости своей все же радовались, что с лица земли исчезнет хоть ВКП(б). И будет хоть гириша, так иныше.

Ан нет, оказывается и тут дело обстоит заковыристее. Большеизм то будет уничтожен, но ВКП(б) останется существовать. Потому что, оказывается, нельзя ВКП(б) разгонять. Это было бы не совсем демократично. Нашлись демократы, которые уже сейчас беспокоятся о том, чтобы ВКП(б) могла существовать и после разгрома большевиков.

Многие могут не поверить, что среди эмигрантских политиков могли найтись такие демократы и что нашелся эмигрантский журнал, который взял под свою защиту несчастную ВКП(б). Ан есть и демократ такой и журнал такой. Демократ этот называется Нароковым. А жур-

нал, в котором он напечатал свою статью в защиту ВКП(б), называется "Народная Правда". "Народная Правда" является органом российского народного движения. Издается она на деньги неизвестных благодетелей, а возглавляется небезизвестным политическим перевертнем Романом Гулем, который, как Фигаро, то здесь, то там, где больше платят. (Сейчас говорят, Романа Гуля очередной раз снова откуда то выкинули. Не то его из "Российского народного движения", не то он выкинул всех из "Российского народного движения" и остался самодержцем). В общем, история, кто и кого выкинул не очень уж важна. Разве перечислить все организации, из которых выкидывали Романа Гуля и из которых выкидывался он сам в предчувствии более ощутительных благ? Важно для нас то, что номер "Народной Правды" (17-18), в котором напечатана статья Н. Нарокова "Гибельное равноправие" вышел еще под редакцией Романа Гуля.

В своей статье, "Гибельное равноправие", народный демократ Нароков доказывает, что ВКП(б), как орган диктатуры надо уничтожить, а ВКП(б) как коммунистическую партию надо сохранить и дать ей возможность существовать наравне с другими партиями. Мы не будем утомлять внимание читателей передачей содержания всех казуистических приемов адвоката ВКП(б) Н. Нарокова. Мы приведем только окончательное заключение его статьи. А оно выглядит так:

"...Но я пришел к выводу:

— Ликвидация ВКП(б), как органа государственной диктатуры необхо-

дима в полной и исчерпывающей мере, ликвидация же ВКП(б), как политической партии будет только способствовать усилению коммунизма.

Поэтому коммунистическая партия в освобожденной России должна существовать равноправно и свободно: ее равноправное сосуществование с другими партиями приведет ее к смерти..."

Так прямо и написано! А кто не верит, может купить номер 17-18 "Народной Правды". Журнал начинается статьей О. Анисимова "Логическая жестокость и великодушная путаница" и кончается нелогичной жестокостью и невеликодушной путаницей Н. Нарокова. Потому что путаницей, целью которой является доказать необходимость сохранения ВКП(б) и после уничтожения большевизма, никак нельзя назвать великодушной.

Такие вот приятные теории исповедуют и проповедуют идеологи Российского Народного Движения. Проповедуют то ли от избытка демократизма, то ли от недостатка совести. Об уме мы уж не говорим. О каком уме тут может идти речь. Неужели уж так много надо ума человеку, чтобы догадаться, что ежели после уничтожения большевизма ВКП(б) будет обеспечено равноправное сосуществование с другими демократическими партиями, то это приведет не к смерти ВКП(б), а ВКП(б) очень быстро снова приведет к смерти все остальные политические партии. И Гули, и Нароковы вкупе со всеми остальными народными и не народными демократами, получают мелкокалиберную пулю в затылок. Если не успеют второй раз удрать за границу.

А. Орлов.

Но между русским самодержавием и английским парламентаризмом, русским "полицейским государством" и британскими свободами существовало и еще одно различие: со своими задачами русское самодержавие справлялось совершенно неизмеримо лучше английского парламентаризма. Достаточно сравнить две основные вещи: американское освобождение рабов парламентарными методами оказалось невозможным: пришлось вести гражданскую войну. Свободы труда и передвижения нет в Англии и сейчас. Победа Первой Мировой войны была проиграна, и победа Второй Мировой войны проигрывается сумасшедшими темпами.

В 1814 году русское самодержавие разгромило французский "тоталитарный режим", создало Венский Конгресс и организовало Священный Союз. В Европе царил почти полный мир — никто не был ограблен и даже почти никто не был обижен. Историю победы демократии в Первой Мировой войне м-р Черчилль называет сплошным безумием:

"Эта история, в самом основном, есть список преступлений, глупости и страданий".

История Второй Мировой победы есть нечто еще худшее: и глупость, и преступление, и страдания, и предательство, и, наконец, просто сумасшедший дом. У. Черчилль в своих "Воспоминаниях" рисует истинно жуткую картину:

"В 1938 году был смысл воевать за Чехию, ибо тогда германская армия только с великим трудом могла бросить на западный фронт полдюжины обученных дивизий, а французы могли ринуться на Рейн или в Рурскую область шестидесятью-семьюдесятью дивизиями..." "Но все это люди считали неразумным, преждевременным, стоящим и иже современного уровня мышления и морали".

Вот — усилиями всеевропейского социализма и парламентаризма мы и сидим: на много, очень на много ниже самого скромного уровня мышления и морали, повидимому общепринятого уже и при Олеге.

Английская патриотическая поговорка гласит: "Англия проигрывала все сражения, кроме последнего".

Давайте вспомним: в свое время были проиграны два последних сражения: одно — против Франции Жанны Д'Арк, другое против Америки Георга Вашингтона. В пере-

воде на язык русской истории, это обозначает примерно то же, что для нас означал бы разгром в Польше или отделение Сибири.

Английская патриотическая песенка поет:

"Никогда, никогда, никогда
Англичанин не будет рабом!"

Давайте вспомним: британская армия и, еще больше, британский флот, были построены не на началах всеобщей воинской повинности, не на долге каждого англичанина идти защищать старую и веселую Англию, а на захвате в рабство матросов и солдат — которых вербовщики спаивали в кабаках, в пьяном виде отвозили на суда и там было то же, что было и на галерах эпохи гребного флота.

Русская армия от Олега до Николая Второго никогда не вербовала своих бойцов ни путем купли, ни путем спаивания. Она не захватывала и не покупала рабов ни на хлопковые плантации XIX века, ни на каучуковые XX-го. Россия первая предложила миру и Лигу Наций, и разоружение, и Гаагский Трибунал, но совершенно невозможно себе представить, чтобы при наличии Империи Российской и Императоров Всероссийских Лига Наций и ООН превратились бы в то, во что превратила их борьба правительств и партий, парламентов и профсоюзов, трестов и деятелей, ораторов, танцоров и жулья. Можете ли вы себе представить, чтобы Государь Император Николай Второй, имея на русско-германской границе более чем десятикратное превосходство в силах — дал бы немцам съесть своего союзника, которому он за год до этого торжественно обещал свою вооруженную поддержку? Если вы это можете себе представить — позвольте мне позавидовать силе вашего воображения.

* * *

Так вот, — прошли мы одиннадцативековый путь от Олега до Николая Второго и в самых истоках этого пути мы, туманно и расплывчато, подмечаем те же общие черты, что и в его конце, — я, впрочем, никакого "конца" пока не вижу. Если бы наша историческая наука занималась бы исследованием фактов, а не агитацией в пользу галлюцинаций, то мы, вероятно, знали бы об истоках нашего государственного бытия что-то более вразумительное, чем отдельные эпизоды

ском национализме". Стали и Б. Двинов — наследственный меньшевик, который сейчас в "Н.Р.С." пишет о СОНР-е и СВОД-е решительно то же самое, что писал я о "Втором Дюн-кирхене". Февраль и его священные права тут решительно не при чем, Б. Двинов, само собою разумеется, если и собирается итти от "Февраля", то никак уже не "вспять". Не при чем и дорогие заветы А. Власова, — ибо они совершенно по разному интерпретируются четырьмя совершенно разными, но одинаково власовскими организациями. Сочлены того же СВОДа уже раз обожглись на бурном антибольшевизме В. Деспотули и Восточного Министерства. Может быть, не стоит обжигаться еще раз на Доне Левине и его восточном комитете?

"Голос Народа" не борется с большевизмом, как не боролось и "Новое Слово". Он помогает большевизму. СОНР — как об этом пишет и Б. Двинов и М. Вейнбаум, как писал и я — это только оружие, данное в руки Сталину.

И именно то оружие, которого Сталину не хватало и которого он собственными силами никак не мог выковать. Это оружие выковывает Дон Левин. И ему помогает тот живой товар, который Дон Левин скупает по доллару за дюжину.

Ни я, монархист, ни М. Вейнбаум, республиканец, ни Б. Двинов, социалист, никто из нас ни на копейку не верит в техническую возможность того, чтобы САСШ могли бы расчленив Россию, если бы даже они захотели этого всерьез. Мы также не думаем, что САСШ хотят этого всерьез. Тут просто говорит диллетан-

тизм и дезинформация. "Голос Народа" помогает дезинформации американского общественного мнения. "Голос Народа", видимо, за очень дешевую плату продает интересы русского народа, и народов России, и народов свободного мира, — точно так же, как герр В. Деспотули продавал или помогал продавать интересы не только России, но и Германии.

Было бы безвылазно глупым предположение, что вся русская эмиграция — и Б. Далин, и М. Вейнбаум, и А. Керенский, и С. Мельгунов, и ген. Архангельский, и И. Солоневич, и Н. Чухнов, вся она занимается помощью большевизму и что только безымянный живой товар "Голоса Народа", — один единственный, стоит на бесплатной страже истинного антибольшевизма. И что только этот живой или полуживой товар, полумертвец или мертвые души "многочисленных писем в редакцию", отражают "волю народов России". Было бы безнадежно глупым предположение, что среди всей русской политической эмиграции от Б. Далина до Н. Чухнова, только анонимы и псевдонимы из "Голоса Народа" представляют истинные заветы Власова, истинный демократизм и всамделишный антибольшевизм. "Голос Народа", это просто живой товар, купленный, собственно, неизвестно зачем. Как, собственно, неизвестно зачем был куплен В. Деспотули. Деньги, правда, небольшие, но и они выброшены зря, — если, конечно, не считать зряшней затрату в помощь Сталину.

Лично я очень сомневаюсь в том, чтобы живой товар из "Голоса Народа" хотел бы сознательно помогать

Сталину. Но, ведь, и В. Деспотули этого делать не собирался. Впрочем, в этом мире демократии и прогресса, завоеваний и заветов, просвещения и освобождения, — возможно все. Вот был же м-р Хисс и, вот маячит же где-то "сверх-Хисс".

Это мне напоминает маленький случай из моей собственной жизни: в 1922 году я почему то оказался инструктором кооператива 51-ой Перекопской дивизии. Председатель этого кооператива, товарищ Финкельштейн выдал мне чисто философский вопрос:

— А как вы думаете, кто у нас в кооперативе сексот от Чека?

Я ответил не менее философски:

— А кто его знает, — может быть, я, может быть, и вы...

— А вы знаете, это правильно! Может быть, — вы, А, может быть, и в самом деле я? — Разве теперь чтонибудь разберешь!

Разобрать, действительно, трудно. Однако, ясно одно: все мы, в с я русская эмиграция, за исключением предметов широкого потребления из "Голоса Народа", все мы совершенно не боимся угрозы расчленения России. Мы боимся тех результатов для свободного мира, которые неизбежно повлечет за собою эта угроза. Мы, как и "Голос Народа", стоим за свободный мир, но только все мы делаем это бесплатно. "Голос Народа" получает свою мзду. Но, как и в случае с В. Деспотули, эта мзда выдается черговыми черепками. Даже и тогда, когда, она отпущается в долларах. Гитлеровские марки тоже когда то стоили...

Иван Солоневич.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАША СТРАНА

Буэнос-Айрес Аргентина

Иван Солоневич
ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ

Часть 1.

Цена 2 ам. долл.

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

Часть 1. Основные положения.

Цена 1.50 ам. долл.

Часть 2. Дух народа.

Цена 1.50 ам. долл.

В ПЕЧАТИ:

Проф. М. В. Зызыкин

ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I

Цена 3.00 ам. долл.

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

Часть 3. Киев и Москва.

Проф. Б. Ширяев (А. Алымов)

ДИ-ПИ В ИТАЛИИ

Цена 2.50 ам. долл.

Заказы адресовать:

Vsevolod Dubrowsky,
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847,
Buenos Aires, Argentina

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

и поступили в продажу

"ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ "НЕ НАСТОЯЩЕГО" СОЦИАЛИЗМА"
Б. БАШИЛОВА.

Цена в Аргентине — 3 песо.

борьбы за киевский великокняжеский стол. Но мы этого ничего не знаем. Или почти не знаем. Все те светочи науки, которые нам освещали наше прошлое, всем своим нутром принадлежали ко всяким в мире коронам — кроме, конечно, русской. Это в какой-то степени повторяет историю убогой нашей "военной мысли". Учились наши генералы у итальянцев эпохи Возрождения и у поляков эпохи вырождения, у шведов Карла XII и у немцев Фридриха Великого, у Наполеона и у Клаузевица — то есть у опыта всех тех армий, которые были разбиты нашей собственной. Но у нашей собственной — как же было учиться? В отношении государственного строительства остается все таки много сторон, которые могут показаться спорными. Но в военном смысле никаких споров просто не может быть: русская армия была самой победоносной армией всей мировой истории — включая в эту историю и Древний Рим. Так, может быть, русскую военную мысль следовало бы строить на основании ее опыта, а не опыта Колелони, Собесских, Карлов, Фридрихов и прочих. Не на опыте тех, кто кое-как и кое-когда выиграл кое-какие "первые сражения", а на опыте нашей армии, которая первые сражения иногда и проигрывала, но пока что не проиграла ни одного, даже и предпоследнего?

Это же относится и к русской государственности. Ведь, вот, те люди, которые и с к а л и — они нашли: и законы Хаммураби и остатки империи Инков, раскопали древнюю Трою и гробницу Тутанхамона... Может быть, что то можно было найти и о свободах Киевской Руси, как нечаянно что-то нашел проф. Кизеветтер о Всероссийских съездах Московской?

* * *

Я уже констатировал: ни о чем решающем наши историки нам не говорят — они только проговариваются. И тогда с совершенной неизбежностью возникает совершенная логическая нелепица, какими переполнены все наши исторические исследования, нелепица, которая фактически и м клином врезывается во все теоретические построения: е с л и были Всероссийские съезды и неприкосновенность личности, то ни о какой "деспотии", разумеется, речи быть не может. Е с л и русский мужик в середине 17-го века имел по свинье и прочему на душу населения, то ни над какой бездной он не стоял. Если Петр Первый бежал от Софии,

шему развалу Британской Империи и по распродаже ее по ценам московской красной биржи?

Русская печать времен Николая Второго была слишком свободной печатью. Она была ограничена штрафами. Каждый штраф с лихвой окупался повышением тиража. Ибо суд — это реклама. А реклама — это тираж. Свобода печати в ее современной форме привела к тому, что печати сейчас чи один дурак не верит. Мировая печать превратилась в оборудованную по самому последнему слову техники фабрику лжи. И это — не только сейчас и не только в СССР. Настоящая свобода печати может быть достигнута тогда и только тогда, когда суд присяжных (а не цензура или главлит) будет карать каждого автора, допустившего ложь. И не штрафом, а по-серьезнее. Пока этого нет, свобода печати совершенно аналогична "свободе любви". Свободу любви мы можем понимать, как свободу выбора в любви, не ограниченную расовыми или классовыми законами или предрассудками. Но ту же свободу любви нам проповедывали, как свободу проституции. Сегодняшняя свобода печати есть свобода проституции печатным словом.

Она у нас была ограничена. Но когда дело шло об основных ценностях Англии — то был запрещен "Дэйли Уоркер", а фашисты были просто посажены в тюрьму. Защищаясь от нашей оголтелой интеллигенции, русское правительство применяло наивный способ "свидетельства о политической благонадежности". Защищаясь от коммунизма, Англия проводит то же самое: чистит свою бюрократию от политически неблагонадежных людей. Словом: когда Великобритания и САСШ были на очень краткий исторический миг поставлены перед приблизительно такими же задачами, перед какими Россия непрерывно стояла все одиннадцать веков, то британские и американские свободы стали, так сказать, руссифицироваться. И м-р Эттли, сооружая в Англии партийно-бюрократическое государство, сейчас говорит о русской искони полицейской государственности. И заводит полицейский строй, какого во времена Николая Второго у нас все таки не существовало: "чисток" правительственного аппарата у нас все таки не было, по всему пространству нашей Империи мы все могли ездить, как хотели, и над русским пролетариатом не было никакого приводного ремня к массам и этот пролетариат не подлежал никаким циркулярам никаких министерств труда.

Борис Ширяев

Игрок „на понижение“

В шуме торжественно проведенных и в СССР и в Зарубежье Гоголевских дней незаметно промелькнула годовщина смерти Н. А. Некрасова, а между тем 75 лет назад на его похоронах стриженная нигилистка истерически кричала:

—Он выше Пушкина!

Прошлое свободно от страстей, будущи́х в современном, и это дает возможность рассмотреть лица ушедших более объективно и точно, чем это могли сделать их современники, освободить, очистить их от вольно или невольно надетых личин.

Для интеллигента конца 19-го века Некрасов был поэтом "народником", певцом крестьянского горя, проникшись тенденциями которого, этот интеллигент и формировал свое представление об очень мало ему известном народе искренне и порой даже жертвенно стремился помочь ему, но неизменно впадал в роль бабьего медведя, сгонявшего муху со лба пустынного. Началась эта помощь комедийной пасторалью "хождение в народ", а окончилась колхозной трагедией... Да, и окончилась ли еще?...

Некрасов дал огромную галерею портретов и портретиков русского крестьянина: стариков, детей, старух, молодых и среди них мы не найдем ни одного положительного образа творческой, созидательной природы.

"Русь не шелохнется, Русь, как убитая", писал он почти тотчас после 19 февраля 1861 года, когда весь могучий организм тысячелетней Империи напрягался, переходя на новые рельсы своего исторического пути. Но для Некрасова этот колоссальный этап в жизни народа был всего лишь неудачным правительственным мероприятием, которое "ударил одним концом по барину, другим — по мужику".

Глаза Некрасова были устроены так, что он прежде всего и главным образом видел в окружаемом лишь темное отрицательное, и не мог или не хотел видеть светлого, положительного, творческого. В своей поэме "Кому на Руси жить хорошо" он не показывает не только ни одного светлого уголка в России, но и не дает ни одного ярко положительного образа. Спорящие мужики, поставленные им в стержень этой псевдо-народной "сказки", вырисованы не правдоискателями, а какими то упрямыми самодурами, которым "блажь втемяшилась"; солдат, участник двадцати сражений — дубленой барабанной шкуркой; на сельской ярмарке Некрасов видит и показывает "лишь пьяную ночь" и даже, казалось бы правдолюбивый, умудренный долгою жизнью дед, оказывается в прошлом преступником, участвовавшим в убийстве по низменным, материальным причинам...

Рассмотрим другие, менее значительные его зарисовки. Вот, неудачник Калистратуха, парень крепкий, здоровый, а "дожидается урожая с незасеянной полосышки". Почему она незасеяна в России, снабжавшей тогда хлебом чуть не всю Европу? Вот "намалеван верный мой Иван" — предтеча российского служилого и производственного пролетария. Он "не умывает, нечесан и вечно пьян". Фигура более, чем отвратительная. Да-

же у Власа, носителя народной духовности, в прошлом находятся темные пятна, и его служение Богу обусловлено и вызвано не любовью, но страхом "загробной кары".

Призывая сеять "разумное, доброе, вечное" в народной толще, Некрасов в поэме "Кому на Руси жить хорошо" ни одним штрихом не показывает наличие этого "доброе, вечное" в душе самого народа. Все его попытки в этом направлении не идут дальше шаблонной мелодрамы. набросок какого то, яко бы, положительного образа в конце поэмы "Кому на Руси жить хорошо" абсолютно неясен и расплывчат, как пресловутое "Дело" Чернышевского.

Картошка, которой угощает каторжник княгиню Волконскую так же — только грубая попытка создать внешний эффект, далекая от реальности: картофель, редкий в то время в Сибири, вряд ли имелся в шахтах. Сертей Волконский, ко времени приезда жены, в рудниках уже не работал и оковы с него были сняты, да и сама княгиня, даже чудесным образом попав в подземную галерею, вряд ли уж была так голодна. Ведь с нею прибыло в Сибирь 25 человек крепостной прислуги!... Мелодраматичность и искусственность всей поэмы "Русские женщины" сливается с явным вымыслом ради тенденции: княгиня Е. Трубецкая была француженкой, урожденной графиней де Лаваль, чего Некрасов не мог не знать.

Но только ли крестьянин, главный "подзащитный" Некрасова, лишен им положительных черт творца и созидателя? Быть может, лишь сострадание закрыло от взора поэта эти стороны его образа, заставив видеть только тупой, подневольный его труд — "мы до смерти работаем, до полусмерти пьем"?

Вот Шкурин, выбившийся из мальчишка-пастушка в крупного промышленника. Фигура очень характерная для русского прошлого. Такие энергичные, смелые и трудоспособные организаторы создавали русскую промышленность, но Некрасов, рисуя его, тотчас же вспоминает, что он мальчишкой драл щетину с живых свиней, "а теперь ты тянешь жилы из живых людей"... Без пасквиля Некрасову не обойтись.

Строятся железные дороги, но Некрасову нет дела до их прогрессивно-экономического значения в жизни России. Он иллюстрирует эту стройку лишь образами халуги-подрядчика, свиноподобных рабочих, готовых на все за стакан водки, тупицы-чиновника и "косточек русских", на которых построена эта дорога... снова мелодраматическая фальшь, — как известно, железнодорожные работы в России высоко оплачивались в интересах самих строителей и были выгодны для рабочих.

Итак, "сея разумное, доброе" по Некрасову не нужно ни крестьянской реформы 1861 года, будущей "по мужику", ни железных дорог, ни промышленности, "тянущей жилы"! Не нужно и армий, где "подмоченный звук барабанный, словно издали, жидко гремит"... Сибирь — "проклятая страна", на беду "найденная Ермаком".

Но, что же, собственно говоря,

Иван Солоневич

Живой товар

(Историческая справка).

До и во время войны в Берлине выходила "русская" газета — "Новое Слово". Редактировал ее В. Деспотули. Издавали ее немцы. Направление было, конечно, с о о т в е т с т в е н н о антибольшевистским. Именно это соответствие и привело большевиков в Берлин.

Как то в Министерстве Пропаганды я задал одному из его "директоров", дру Маурау, наивный вопрос: — Скажите, все таки, пожалуйста, зачем, собственно, вам нужно на ваши собственные деньги обманывать самих себя?

Д-р Маурах ответил ведомственной отпиской:

— Это не мы, это Восточное Министерство.

— Ну, так зачем это нужно Восточному Министерству?

— А вы у него спросите.

Восточное Министерство я предпочел не спрашивать ни о чем.

Эта "антибольшевистская" акция закончилась трагикомически. Сначала комически, а потом трагически. Немцы давали В. Деспотули субсидию и финансами газеты больше не интересовались. С началом войны дела газеты пошли круто вверх: это был единственный орган на русском языке, допущенный в Чехию, Польшу, Балтику, отчасти и в оккупированные местности России. В. Деспотули стал делать деньги и стал их куда то вкладывать, не то в акции, не то в дома. Тогда в капиталы В. Деспотули вцепилась финансовая инспекция, — пришлось что то продавать и что то платить. Потом Восточное Министерство вдруг обнаружило, что издателем является, собственно, оно, а никак не В. Деспотули и потребовало себе все доходы, — а их уже не было. Словом, В. Деспотули прибежал в единственное место, где он кое-как мог выплакать свое горе, — к генералу В. В. Бискупскому — плакал, каялся и утверждал, что он, по существу, с самого детства, то ли шизофреник, то ли циклофреник, то ли что то в этом роде. Потом В. Деспотули исчез совершенно бесследно.

нужно? Где же "разумное, доброе"? Ответа Некрасов не дает.

Тургенев назвал Некрасова "поэтом с натугой и штучками", Л. Толстой — "холодным и жестоким". Владимир Соловьев страстно отринул его, Никитин, хлебнувший подлинного, а не литературного народного горя, бросил ему в лицо негодующее обличение, "лжешь", закричал Герцен, Хомяков и Фет повторили этот крик и все же...

— Он выше Пушкина! — вопила на его похоронах какая то "бабушка русской революции" в дни своей юности.

В чем же дело?

И. Тхоржевский в своей интересной работе "Русская Литература" отмечает удачливое "предпринимательство" Некрасова. Умиравшие журналы, попав за бесценок в его руки, оживали и давали крупный доход. Вступив в литературу буквально нищим, Некрасов вырос в ней в большого барина, изумлявшего Петербург своими обедами и роскошью охот. Его литературные спекуляции шли очень

Сейчас почетное место "Нового Слова" занимает мюнхенский "Голос Народа". На месте В. Деспотули фигурирует неизвестно кто, фамилия редактора не указана. На месте Восточного Министерства фигурирует М-р Дон Левин. В качестве официального издателя СБОНР и СВОД. Словом, почти то же — слегка mutatis mutandis — то есть в не сколько видоизмененных обстоятельствах времени и места. Тот же суровый антибольшевизм, та же "средняя линия", те же подписи никому неизвестных и неизвестно существующих ли людей и групп. Правда, "Новое Слово" не козыряло ни Февралем, ни демократией — но это мало меняет положение вещей. В те времена демократией не оперировали и солидаристы. Русская общественность в Германии, даже и самая гермадофильская, считала неприличным сотрудничество в "Новом Слово". Счастливым исключением были только солидаристы. Но с них все, как с гуся вода. До поры до времени.

В № 10 этого нового, мюнхенского "Нового Слова" помещена передовая, в которой сказано о "дорогих заветах А. Власова", о "священных правах народа, обретенных им в Февральскую революцию", пущена тонкая ирония по поводу моей "Фальшивки Февраля" сказано о "крайних русских националистах, вопиющих о расчленении России" и разъяснено: "вспять от Февраля итти невозможно".

Хотел бы дополнить это разъяснение. А Керенский, вероятно, никак не собирается итти "вспять от Февраля, однако, от СВОД-а и СОНР-а попятился даже и он. Лично я считаю "Февраль" сплошной фальшивкой... Как бы только не получить нам второго Октября, — на этот раз уже не в берлинском, а в мировом масштабе.

Мы все, честные русские или российский политики — все, стали против расчленения России. Стал и М. Вейнбаум, которого очень трудно было бы заподозрить в "крайнем рус-

удачно и главную ставку в них он делал на революционного демократа, озлобленных, завистливых разночинцев — Чернышевского, Добролюбова, Решетникова, "отрицателей", "обличителей" и т. д. Тургенев, Л. Толстой были неуместны в его журналах. Они показывали свет, а нужна была тьма. Спекуляция на темных инстинктах человеческой психики давала верный и немалый доход.

Точно тот же метод "предпринимательства" был применен Некрасовым и в поэзии. Требуя устремлений к неопределенному "доброму, вечному", он всею силою своего пера определял, подчеркивал, форсировал шаржировал все темное, говоря биржевым языком "играл на понижении".

Среди хаявших и плевавших в лицо России и ее народа ему бесспорно принадлежит одно из первых мест. Мудрено ли, что при такой информации о русском народе "Кюстины" не переводятся и в наши дни?

Борис Ширяев.

Владимир Рудинский

Задачи Русской Эмиграции

Сейчас в среде русской эмиграции во Франции постоянно приходится слышать длительные споры о возможностях и обязанностях эмиграции. Очень часто эти споры заканчиваются пессимистическим выводом, что мы ничего не можем сделать и не играем никакой роли в происходящих событиях. Можно ли, однако, с таким рассуждением согласиться?

Полагаем, что нет. Главная наша задача состоит в действительности в настоящий момент в том, чтобы всеми силами дискредитировать участников левого заговора, упорно дезинформирующих иностранных общественность и правительства и рвущих на куски Россию — покамест, по счастью, только на словах, и на бумаге; но не дай Бог, чтобы они смогли заняться этим на практике! Это разоблачение не есть ни что то для нас эгоистически приятное, вроде развлечения, ни результат раздраженного самолюбия или сведения личных счетов: это есть долг перед родиной, который обстоятельства возлагают на всю национально настроенную часть русской эмиграции.

Нам могут возразить, что и левые оплевыватели Великой России и самостийнические ее расчленители все равно будут существовать — что бы мы все вместе ни делали — до тех пор пока будут находиться иностранцы, дающие им деньги на эту человеконенавистническую и богопротивную деятельность. Да, но нам следует приложить наши усилия, все наши усилия, именно к тому, чтобы иностранцы на это денег не давали. Но, скажут иные, как можно их убедить, если они ненавидят Россию и мечтают ее ослабить? Их интересы прямо противоположны нашим и нет никакой надежды добиться взаимного между нами и ими понимания! Дело в том, что мы и не должны ждать со стороны каких бы то ни было иностранцев ни любви к России, ни хотя бы самой элементарной способности разоблачиться в том, что в ней происходит. Если мы такую способность все же иногда встречаем, это может для нас быть лишь приятным сюрпризом. Вообще же надо быть готовым к тому, что иностранцы проникнуты во всех своих отношениях к России самым черствым эгоизмом и самой косной тупостью. Поэтому и агитация наша должна быть направлена в сторону разъяснения им, что действия, подобные совершаемым ими ныне, очень опасны для их собственных карманов, ибо карманы у европейцев и американцев чувствительнее сердца и сообразительнее мозга.

Может быть, то, что мы говорим и не так уж нужно. Ведь и без того эмиграция довольно единодушно (а это такая редкость!) выступает сейчас примерно с такими именно возражениями. Но нам хотелось бы указать на некоторую опасность тона, который многие при этом принимают. Тон, о котором мы говорим, мы бы охарактеризовали с одной стороны, как без нужды вызывающий и даже угрожающий, а с другой, как свидетельствующий о каком то, так сказать, планетарном, эпохиальном, черезчур грандиозном взгляде. Стоит ли, в самом деле, без конца повторять американцам: Если вы не исполните наших требований, если вы не создадите русской армии, не дадите русского правительства, не провозгласите такой то и та-

кой то политической платформы — ни один из нас с вами не пойдет! Ни одного русского солдата, ни одного журналиста! и т. д.

Слов нет, мы бы очень желали, чтобы была русская армия. С правительством это несколько сложнее — ибо какое это будет правительство? Вряд ли такое, какого бы нам хотелось. Хотели бы и того, чтобы президент США побеседовал с компетентными представителями русской эмиграции и во многом изменил свою политику. Это был бы, конечно, большой исторический сдвиг. Однако, что если он этого не сделает? И если война с СССР начнется без русской армии, без тех лозунгов, которые предлагают и подсказывают более или менее все русские, независимо от их политических взглядов? И даже с лозунгами, каковы бы будем находить вредными, — как были, например, вредны лозунги гитлеровской Германии?

Неужели и тогда у русской эмиграции хватит духу стать в сторону и спокойно смотреть на все, что будет делаться? Такая позиция, на наш взгляд будет не героической, а абсурдной — если не преступной. Ведь чем бы ни кончилась война для Америки (может кончиться плохо, очень плохо), война с победой для Сталина будет в первую очередь непоправимым несчастьем для России. И для русского не принять в ней участия будет непоправимой ошибкой.

За себя мы говорим прямо: если при таких условиях все же будет возможность принять участие в войне против коммунизма (хотя бы и ведущейся под самыми нелепыми флагами), мы его с удовольствием примем. Не надо забывать, что в процессе войны часто наступает прояснение мозгов у правительств на базе практического опыта, и что как бы ни была скромна роль отдельных русских сражающихся на стороне антибольшевистских сил, она может вырасти до серьезных размеров и, кроме того, совокупность их усилий — во всяком случае должна давать некоторые результаты.

Во время войны мы встречали некоторых эмигрантов на службе у немцев. Люди были разные и деятельность их давала разные плоды. Но по совести можем засвидетельствовать, что когда это были люди с мужеством и с искренними убеждениями, они часто делали много добра для русских — а, значит, и для России — приносили немалую пользу той идее, в которую верили. В этом им зачастую не могли помешать никакие немецкие нажимы и окрики; и когда мешали одному, другой продолжал его дело. Так, первый русский эмигрант, которого нам случилось встретить, А. А. Т., переводчик в чине майора при испанской Голубой Дивизии, монархист по убеждениям, был предметом обожания для крестьян тех пяти-шести деревень, которые находились подле его части. Он, может быть, и не вел умышленно политической агитации, но верно и не скрывал своих взглядов, а они без сомнения представляли огромный авторитет для людей, которые видели в нем постоянного защитника своих интересов и русского человека в самом лучшем смысле слова. Для поддержания престижа эмиграции в России он, во всяком случае, сделал мно-

го — иной раз, как посмотришь теперь вокруг, думаешь, что он мог создать даже слишком хорошее о ней мнение.

Вот почему мы с сомнением относимся к частым теперь высказываниям в том смысле, что, де, не надо было русским совсем принимать участие в прошлой войне. Те русские переводчики, которые спасли десятки русских жизней, которые сумели рассказать людям хотя бы часть той правды, по какой те томились, все же работали не напрасно. Было бы хуже, если бы их не было. На тех же постах сколько ужасов сделали с успехом на них пробывавшиеся агенты Н.К.В.Д.!

В предстоящую войну США, даже если они попробуют обойтись без русской национальной армии, никак не смогут обойтись без тысяч и тысяч русских переводчиков и вероятно русских служащих всякого рода: пропагандистов, журналистов и т. п. Тем более, что английский язык в общем в Советской России гораздо менее распространен и известен, чем немецкий. И поскольку в войне примут участие и другие страны, нужным может оказаться не только английский, но и французский, и испанский и еще другие языки. То, как серьезна подчас оказывается роль самого рядового

переводчика или вообще служащего в оккупационной армии, как быстро иногда повышается его пост — нам приходилось видеть на многих примерах. Хотим от души сказать всем, кого это интересует: такая работа для рядового человека открывает путь сделать массу добра.

Скажем напоследок еще одно: что бы ни сделали мы, правые, — солидаристы и социалисты, наверняка, кинутся на эту работу. Первые это с успехом доказали в последнюю войну; вторых, волей-неволей, выпихнут на самые передовые и ведущие посты американцы. Следует ли нам опять предоставить им работать и пожинать плоды, а самим героически (впрочем, пребывая в полнейшей безопасности) стоять в сторонке? Мы этого никому не посоветуем. Все эти мысли мы в первую очередь высказываем для эмигрантской молодежи, которая сможет проявить себя и выполнить свой долг, как только начнется новая война; хотя, впрочем, и старшее поколение могло бы в ней кое-что сделать. Что до новых эмигрантов, мы уверены, что они в той или иной форме свое участие в бою против большевиков примут.

Владимир Рудинский.

Борис Ширяев (А. Алымов)

Пять вопросов г. Е. Лайонсу

Многоуважаемый Господин Лайонс! С большим, к сожалению, опозданием я прочел Вашу прекрасную, глубокую и яркую статью “Подарок Эчисона Сталину”, не содержащую ни одного слова, с которым мы, российские националисты, не согласились бы. Вы формулируете в ней, в блестящих и четких концепциях, именно то, что мы не устаем повторять уже более трех лет, но эти блестящие Ваши формулировки странно расходятся с Вашими же, далеко не столь блестящими, действиями в Фюссене, Штуттгарте и Мюнхене, в связи с чем я и позволяю себе задать Вам несколько вопросов.

1. Не кажется ли Вам, что уже само имя созданной Вами русской организации — Совета Освобождения Народов России звучит двусмысленно в ушах представителей Российского народа Российской многоплеменной и надплеменной (как и американская) нации? В связи с Вашими настойчивыми требованиями о введении в состав СОНР-а лиц южно-русского и нерусского, но российского происхождения в качестве отдельных групп эта двусмысленность особенно заостряется.

2. В своей статье Вы четко и ясно отмечаете вражду к России некоторых крайних сепаратистов, превышающую их “вражду к большевизму”, но в Ваших действиях Вы пытаетесь включить их в дело борьбы за освобождение этой ненавидимой ими России от гнета менее ненавидимого ими большевизма. Может ли иметь успех подобная “борьба”? Более того, Вы настаиваете на гарантиях выполнения их ненавистнических по отношению к России требований. Где логика такой борьбы “за Россию”?

3. Как — по Вашему: можно ли тушить огонь огнем или лечить ушибы ударами той же палки по тому же месту? Вряд ли Вы признаете целесообразность подобных методов. Но

почему же Вы тогда базируете борьбу за освобождение России от марксизма на политических группах, исповедующих тот же марксизм, лишь в несколько измененной форме? Зная отталкивание Российского народа от всех видов социализма, Вы вряд ли можете рассчитывать на его сочувствие созданной Вами организации.

4. “Американцы вряд ли могут быть арбитрами во внутри-российских вопросах”, — пишете Вы, и тем самым, а также и другими Вашими концепциями подтверждаете полное право свободной России на установление в ней демократическим путем любого государственного порядка, рекомендуя САСШ полное невмешательство. Но при организации Вами СОНР-а, Вы полностью отмежевали его от национально-патриотических и монархических групп российской эмиграции, попросту зачислив в “лишеницы” ее фактическое большинство. Не является ли подобный акт уже вмешательством во внутри-российские дела, уже попыткой навязать свободной России определенный государственный порядок?

Из этих четырех вопросов естественно вытекает пятый — главный:

5. Вы вполне правильно обвиняете г. Эчисона в ряде совершенных им на словах ошибок, но сами повторяете те же ошибки в Ваших фактических действиях. Не кажется ли Вам при Вашем ясном мышлении и действительно глубоком знании России, что Вы делаете Сталину еще лучший подарок, чем пытаетесь сделать г. Эчисон?

Глубоко Вас уважающий
Б. Ширяев (А. Алымов).
Campo AMP Pagani
(Salerno) Italia

На складе у всех представителей
“НАШЕЙ СТРАНЫ”
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
“ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ”

Все это пишется в результате тридцатилетних размышлений и на пороге Третьей Мировой. Все это снабжено театральной бутафорией, рассчитанной на галерку, — вот, вроде, матерей и их невинных слез. В правой части эмиграции особенно глубоко угнездилась "национальная" бутафория.

Эта часть эмиграции считает "национальными" все те течения, которые стоят на платформе а) антикоммунистической, б) антисоциалистической и даже в) антиреспубликанской. Между тем, антикоммунистические силы мира могут быть антикоммунистическими и интернациональными: католицизм, масонство и еврейство. Русское еврейство было по преимуществу социалистическим, американское — по преимуществу антисоциалистическим — но оба они проникнуты духом интернационализма, — как и католицизм или масонство. Мировой социализм в своей внутренней политике является антикоммунистическим, но во внешней политике он продолжает играть весьма двусмысленную роль: внутри каждой страны коммунизм является его ближайшим конкурентом, извне — он дает повод для шантажа своей внутренней буржуазии. Утверждение, что наши республиканцы являются "антинациональными", нуждается в доказательствах и доказательствах этих у наших "национальных" кругов, во-первых, нет и, во-вторых, не может быть. Ибо если "левые", типа, скажем, С. Мельгунова, будут доказывать существование "национальной" и безусловно православной новгородской республики, — то эту концепцию можно опровергнуть только одним путем: путем указания на то, что новгородская республика была олигархической, а не "национальной" и что именно потому она и погибла. "Национальные" же круги, представленные, главным образом, олигархическими элементами — такими доводами оперировать, по понятным соображениям не могут.

Таким образом, "национальная идея" за тридцать лет эмиграции оказалась не продуманной, не модернизированной. Говоря очень приблизительно — она осталась на уровне белых времен: целый набор отрицательных лозунгов и ни одного положительного. Ибо носовые платки для слез невинных и даже не совсем невинных матерей, разумеется, никаким лозунгом не являются. И никакой ни Марьи, ни Дарьи в России вы ни на какие носовые платки не подцепите: Ленин-Сталин обещали, что никаких слез вообще не будет. С тех пор на потоках этих слез можно было бы построить еще один Днепр-гэз. Так что "Москва словам не верит" — много разных слов слышала эта "Москва".

"Белая идея", как исторический факт, была идеей военной диктатуры. При иных личных качествах диктаторов она могла бы привести, по крайней мере, к победе над коммунизмом. Этих качеств не оказалось. Ген. Н. Н. Головин писал в своей истории гражданской войны, что этих качеств и оказаться не могло: "качества" обуславливались средой и "все, что подымалось выше уровня этой среды — или устранилось или не достигало власти". Кроме антикоммунизма характерными чертами белой идеи было полное умалчивание о каких бы то ни было со-

циальных вопросах, и по меньшей мере прохладное отношение к Монархии: "да, мы не против монархии, но можно и обойтись, — а при наличии достаточно бравого генерала, лучше бы и вообще обойтись". Будь на месте Деникина или Колчака человек калибра хотя бы Пилсудского, Белым Армиям, по всей вероятности, удалось бы занять Москву. Что было бы дальше, это еще очень неизвестно.

Но не было даже и пилсудского калибра. Пилсудский, несмотря на свое совершенно штатское происхождение, организовывал "диктатуры панов полковников" — впрочем в большинстве тоже штатских, — которые обеспечили Польше полный политический хаос. Но для Польши, только что возродившейся после разделов, вопрос национального суверенитета стоял на первом месте. Пока что история ответила отрицательно даже и на этот вопрос. Но военная диктатура практически означает: "всю власть полковникам" и очень точно отвечает профессиональным интересам и профессиональным вожделям этих полковников. Вот отчего в нашей военной среде преобладает прохладное отношение к Монархии: "да мы ничего против не имеем, но можно и обойтись".

И не утверждаю, что всякая попытка обойтись без монархии является преступлением перед Россией. Для того, чтобы доказать этот тезис объективно, необходимо подняться над чисто профессиональными и интересами духовного и военного сословий, юридической казуистики, привилегированных вождельней и даже того привычного для служилого слоя чиновничества, которое влечет людей на панихиды, но не влечет ни к каким действиям. Это не есть идейный монархизм. Это только привычное чиновничество.

Если эмиграция великой французской революции была исключительно аристократической эмиграцией, то эмиграция великой русской — почти исключительно ведомственная эмиграция. И это при том условии, что самые лучшие ведомства старой России — ее суд и ее медицина — не представлены вовсе. Ведомства поделились на юрисдикции, союзы и даже объединения из трех человек и пребывают в собственном соку. На ведомствах лежит очень тяжкий груз прошлого, и ведомства очень обижаются. Между тем совершенно очевидно, что той "системы монархических учреждений", которая была в Москве, и о которой говорил Л. Тихомиров у нас не было. Был Царь. И был Народ. И было "средостение". И когда Царь был свергнут, то ни Церковь, ни Армия, ни народное представительство, ни земство ни чего для Монархии не сделали, ничем ее не поддержали — и личная своих организующих центров масса попала в цепкую хватку авантюристов социалистического изверства: Октябрь был политической авантюрой даже и с точки зрения В. Ленина. Социалистическому изверству помогло и то обстоятельство, что в качестве своих основных противников оно встретило только "ведомства", начисто лишенные какой бы то ни было национальной идеи. Изверство сидит вот уже тридцать пять лет, а национальной идеи, как не было, так и нет. Есть декларация, в

которую никто в России не поверит ни на копейку.

Идея "Народной Монархии" и есть наша национальная идея, очищенная от какой бы то ни было декламации, от каких бы то ни было ведомственных интересов, предрассудков, суеверий, и даже навыков, от каких бы то ни было потуг на какие бы то ни были сословные вождельния. Именно в этом ее виде она встречается вполне понятное отталкивание в известных кругах эмиграции. Кроме хвалебных отзывов я получаю и хулительные. В одном из них сказано, что прошлое России я рисую в тонах "Социалистического Вестника". Это, конечно, несколько преувеличено. Мой оппонент принадлежит к той категории людей, которые любили русским ландшафтом из окна дворянской усадьбы. К сожалению, в России были и другие окна и другие наблюдатели и другие ландшафты.

Я бы очень не хотел, чтобы мои высказывания о "дворянских окнах" и о прочем в этом стиле, были бы приняты в качестве какого то классово-плебейского заскока: для такого заскока у меня нет никаких оснований. Так, если мой оппонент, — просящий не называть его имени, упрекает меня в социалистической интерпретации русской истории, — то кн. Г. Н. Оболенская пишет несколько иначе:

"Я с величайшим интересом читаю вашу "Народную Монархию". Это очень ценный вклад в истинное понимание русской истории. В институте нас учили по Иловайскому. На историко-филологическом факультете — по Джаншиеву, Костомарову, Шильдеру, Платонову. Но вы суммируете все в одно выпуклое целое. Вы смело, никого не боясь, говорите правду. Когда раздастся клич "братья, наших бьют", то все побегут за Иваном Солоневичем".

Положим, — за Иваном Солоневичем НЕ побегут. Но побегут за русским Царем. А Иван Солоневич только пытается сэкономить русское время и русские силы: зачем "бегать впустую"? Когда дело обстоит очень просто: нужно вернуться к себе.

Г. Н. Оболенская, во-первых, княгиня — и настоящая, и, во-вторых, она окончила историко-филологический факультет. Следовательно, кроме Иловайского, знает также и, например, Джаншера. Со временная читающая публика СССР знает еще Покровских, Тарле, Щегольвых и Панкратовых и пр. В какой степени физически возможно воссоздавать концепцию Иловайских, которым так близок мой оппонент? Это значило бы одно: под корень подрезывать всю монархическую пропаганду.

Было бы совершеннейшей нелепостью предлагать послебольшевистской России условно стилизованный, сословно окрашенный ландшафт с благородными жантильностями и умильными пейзажами: так о м в ландшафту не поверит никто. Была бы нелепостью попытка скрыть ошибки и преступления, совершенные Российской Монархией за тысячу лет: убийство Грозным своего сына было, конечно, преступлением — так это понимал и сам Грозный. Советская историография вывернула наизнанку все архивы и все тайны русской истории. Советская литература довела их до сведения многомиллионного читателя: как можно после этого бормотать что бы то ни было о Екатерине "Великой"? Поймают и отвернут с я. "Народная Монархия" предназначена для России. Я очень хорошо — профессионально, — знаю читательский рынок старой России, Советской России, эмиграции и эмиграции. И могу с очень большой точностью представить ту жадность ко всякой правдивой мысли, которую будут охвачены десятки и десятки миллионов людей. "Народная Монархия" имеет много недостатков, но это честно написанная книга. Единственная в эмиграции, которая может дать честный ответ на вопросы наших катастроф. Она будет иметь миллионный тираж и она будет идти по руслу русской национальной мысли.

Здесь, в эмиграции, эта книга идет против течения, — или против течений, — и левых, и правых. Если я не ошибаюсь, очень уж катастрофически, — то в России она будет отвечать всей "тенденции развития" новой и по настоящему национальной России. И вот именно поэтому — я еще и еще раз обращаюсь с просьбой к нашим друзьям — исправить все ее ошибки, опечатки и даже опечатки. Я — не историк. Объем моей "эрудиции" очень разносторонен — от Клаузевица до Маркса и от психоанализа до оккультизма. Но в исторической работе, какой по существу является "Народная Монархия", моих знаний мне не хватает. И в этой работе могут быть ошибки. Их нужно исправить уже здесь, а не ожидать того, чтобы наши противники стали бы публично исправлять их в России. Первые два выпуска "Основные Положения" и "Дух Народа", имеют очень общий характер и в них фактические ошибки и пропуски очень мало вероятны, хотя, может быть, есть и они. В дальнейших выпусках этих ошибок и пропусков будет больше. Их нужно ликвидировать уже здесь — чтобы к моменту падения пресловутого занавеса мы имели бы "катехизис", по мере возможности неуязвимый ни для какой критики...

*

Ни в какие носовые платки ни для каких невинных матерей русская масса не поверит ни на копейку. Эта масса будет, прежде всего, искать национального фундамента: а на чем все это будет построено? И дороги, и школы, и осушение слез? И мы должны дать ответ, основанный не на эманации наших собственных пальцев, а на действительности тысяч лет.

Иван Солоневич.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ Часть II — Дух Народа.

вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Зарубежья.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

JUAN SOLONEWITSCH TERCERA GUERRA MUNDIAL DURARA TRES MESES

Dos tendencias — Incidentes — Exploración psicológica — Principio de la guerra — Primeros días — Improvisación — En la mitad de la guerra — Fin de la guerra.

(Continuación)

La fiesta del 1º de Mayo de 195... se festejó en el Berlín soviético con pompa extraordinaria. En el desfile tomaron parte varios miles de integrantes de la juventud comunista armados. A Berlín llegaron de Moscú, Leningrado, Kiev y otras ciudades, delegaciones de escritores, profesores, periodistas y militares. Estas delegaciones desfilaron en una columna separada, rodeada por la juventud comunista y por la "Policía Popular". El comando de las zonas aliadas reforzó considerablemente el ejército que custodiaba los límites entre las zonas.

Cuando la columna en la que se encontraban los representantes soviéticos, rodeados por la juventud comunista armada como guardia de honor, se dirigía de la Plaza de Potsdam al arco de Brandenburgo, en un lugar cercano a la Plaza de Potsdam se inició un tiroteo y sonaron dos o tres explosiones. La interrogación de los testigos, casi un año después de este incidente con el cual se inició la Tercera Guerra Mundial, ha dado resultados extraordinarios. Lo cierto es que una multitud de casi diez mil personas, empezó a correr de inmediato en dirección a Tiergarten rompiendo los cordones de la "Policía Popular" soviética y la custodia aliada.

Esta última no sabía que hacer, porque comprendió que no se puede tirar contra una multitud en estado de pánico. La "Policía Popular" fué completamente aplastada.

Al desaparecer la resistencia de la Policía de ambas partes, nuevas masas comenzaron a correr en la dirección de Tiergarten. Del lado de la Plaza de Potsdam siguieron oyéndose tiros y explosiones. Esto sucedió a las 11 horas y 15 minutos de la hora media europea. A las 12 y 30 de la misma hora, la radio soviética transmitió un ultimatum al Comando Aliado en el sentido de "dejar en libertad a los miles de ciudadanos soviéticos y habitantes de la zona Oriental de Berlín a los que ellos apresaron mediante una tremenda provocación".

El comando de los Aliados en Berlín respondió que estaban estudiando la situación. El problema se había tornado muy serio. No cabía la menor duda de que la mayor parte de la multitud se dirigió y entró en la zona de los Aliados por casualidad, bajo el impulso del pánico reinante. Pero tampoco había duda de que cerca de los doscientos ciudadanos soviéticos que llegaron a la fiesta del 1º de Mayo de la U.R.S.S. a Berlín — de ningún modo querían volverse. Entre ellos se encontraba un grupo de grandes militares. Estaba también el profesor Lysenko, quien comunicó al primer oficial americano que encontró, que él pertenecía a la teoría de mendeleísmo — el oficial americano lo consideró loco.

(Continuará)

—А жила — какой мощности? — спросил он, и поймал себя на том, что вопрос был и ненужен и глуп. Если ему, генералу Буланину, удастся, наконец, как то выкарабкаться из этой дыры, — нога его сюда больше не ступит. А эквивалент тонны золота? Генерал Буланин стал подсчитывать, чему это будет равно в сегодняшних долларах, — выходило что-то очень много... И снова генерал Буланин поймал себя на мысли о том, что сейчас вовсе не время подсчитывать так фантастически доставшуюся ему добычу. Время думать о том, как бы унести — и ее, и свои собственные ноги. Но гипноз золота, может быть тонн золота, все таки действовал.

—Ты толком говори — где эта пещера?

Отец Петр с прежним равнодушием пожал плечами.

—Все равно не найдете. Нужно карту. Я мог бы нарисовать, но вы меня развязать не рискуете.

—Развязать! — генерал Буланин постарался саркастически рассмеяться, но это у него не вышло. — Развязать? Нет уж, голубчик, на том свете тебя развяжут. — И снова поймал себя на мысли о том, что это было сказано глупо: нужно было оставить связанному человеку хоть какую то надежду на жизнь.

—Да, конечно, — сказал отец Петр, — смерть развязывает многое. Но я все таки — оккультист. Не совсем, но почти ясновидящий. Так, например, я знаю, что вы бывший белый генерал, перешедший на большевистскую службу, предавший своих това-

рищей, — многих товарищей... А теперь вы пытаетесь бежать назад. Это вам не удастся.

Генерал Буланин опустил руку с тлеющей хворостиной. Все, что сказал отец Петр, соответствовало действительности. Что же это — и в самом деле ясновидящий?

—При некотором — умелом — напряжении воли, — совершенно академическим тоном продолжал связанный отец Петр, — можно видеть и кое что из прошлого и даже — редко — кое что из будущего. Дело заключается в том, что в каком то неизвестном нам измерении прошлое и будущее перемешиваются. Впрочем, они перемешиваются и в мире трех измерений. Но, вот, например, я довольно ясно вижу, что вы будете довольно скоро повешены. — Отец Петр на минуту закрыл глаза, как бы концентрируя свой внутренний взор на каком то неизвестном измерении, и снова спокойно продолжал:

—Нет, не видно, когда, но, кажется, довольно скоро... На вашей шее уже лежит тень веревки.

Совершенно автоматически генерал Буланин уронил тлеющую хворостину и провел рукой по шее, как бы пытаясь стереть тень веревки. На его ассиметричном лице показалось нечто вроде страха и растерянности.

—Веревка? — спросил он совсем уж глупо. — Откуда веревка?

—Не знаю, откуда, но довольно близко.

Генералом Буланиным овладел приступ ярости: этот таежный пустосвят просто пускает пыль в глаза,

Р О З Ы С К И

Разыскиваю сына Владимира Петровича БАБУШКИНА из Югославии. Прошу всех, имеющих о нем сведения, сообщить по адресу:

Eng-o Constantin Wasjutin
(A. D. K.)
Caixa Postal 1322,
Sao Paulo, Brasil

Николай Николаевич ЛОГВИНОВ разыскивает Бориса Сергеевича СОКОЛОВА. Сообщить по адресу:

Mr. N. Logvinoff
7, Rue Lavigerie, Tunis, Tunisie
Afrique du Nord

Анна Михайловна ЛОБАНОВА (урожд. Подковырина) разыскивает своего брата Михаила Михайловича ПОДКОВЫРИНА. Лиц, что ни будь знающих о нем, прошу сообщить по адресу:

Mr. A. Diakonoff,
44, Jeffery St., Milsons Pt.,
Sydney N. S. W., Australia

Сын Костя разыскивает отца Николая Николаевича ГАБРИЛОВИЧА из Симферополя, Крым. После войны находился в Германии, Мюнхен. Лиц, знающих о нем, прошу писать:

S. Chatkovski,
Sandy Lane, Oxtou, Notts,
England

Шт.-Ротмистр Вс. Ник. СИМВОЛОВ просит однополчан — Новороссийских драгун — писать по адресу:

Argentina, Buenos Aires,
calle Brasil 315

КОВАЛЕВА Владимира, по слухам служившего в Русском Корпусе, разыскивает брат. Писать по адресу:

Mr. Kovaljev Igor
Gracefield Camp
Lower Hutt, New Zealand

для того, чтобы выиграть время для своего неизвестного спутника.

—Вот, я тебе покажу, как близко, — почти завопил он и, поворотясь к костру, стал вытаскивать оттуда новую хворостину. Хворостина как то не сразу поддавалась его усилиям — он повернулся еще больше и в это момент отцу Петру пришла совершенно новая мысль.

Собравшись со всеми своими силами, изогнувшись ужом, он обеими связанными ногами нанес в лицо генерала Буланина тяжело подкованный удар: на отце Петре были горные сапоги с железными шипами.

Удар сбросил генерала Буланина в костер. Костер, правда, был невелик, но генерал Буланин свалился в него почти лицом вниз. Обжигая руки о пламя и угли, генерал Буланин, оглушенный и почти ослепленный, кое как вскочил на ноги. Отец Петр, сохраняя на лице то же спокойное выражение ученого, смотрящего то ли в телескоп, то ли в микроскоп, проявил совершенно неожиданную ни для какого ученого акробатическую ловкость человека-змеи. Извиваясь на верхней части своей спины, он как то подполз поближе к генералу Буланину, подобрал оба колена под самый подбородок, и в тот момент, когда генерал Буланин только что достиг относительного равновесия, — разгибая поджатые колени, трахнул генерала Буланина чуть повыше колен — сзади.

(Продолжение следует).

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tizonovich, Calle Montevideo 496 — Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657 Bras. Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Inés, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Pádin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. G. Malysheff, 1580 W 7 Ave. Vancouver B. C.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Th. Seuberlich, Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriev. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.

Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts, 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney, N. S. W.

"НАША СТРАНА"

в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Василькиоти, при церкви на ав. Альвар.

"НАША СТРАНА" — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА "НАШЕЙ СТРАНЫ"

Аргентина — 1.50 песо; САСШ — 25 ам. цент.; Канада — 25 кан. цент.; Бразилия — 4 круз.; Венецуэла — 0.75 бол.; Уругвай — 30 ур. цент.; Парагвай — 1.30 гуарани; Чили — 8 чил. песо; Англия — 1 шилл.; Франция — 50 фр.; Бельгия — 8 бельг. фр.; Швейцария — 75 сант.; Германия — 75 пфен.; Иран — 8 риал; Австралия — 1 ш. 3 п
В остальных странах — приблизительно из расчета 25 ам. центов.
Объявления о розысках — 1 долл.